

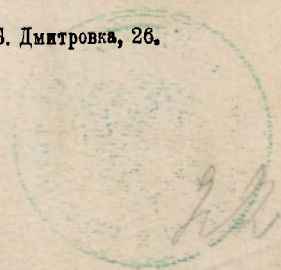
55
74357

ДОНЪ-АМИНАДО.

ПѢСНИ ВОЙНЫ.

МОСКВА.

Типография Акц. О-ва „Московское Издательство“ В. Дмитровка, 26.
1914.

Донь-Аминадо.

ПЬСНИ ВОЙНЫ.

43497.

МОСКВА.
Московское Издательство.
1914.

I.

ПѢСНИ ВОЙНЫ.

О, если мѣръ—божественная тайна,
Онъ каждый мигъ клеветаетъ на себя!

К. Бальмонтъ.

ТАЛИСМАНЪ.

Гремятъ торжественные клики,
Молчанью мудрому уча.
Я имя нѣжной Вероники
На стали вырѣзалъ меча.

Иди! сказали—и подьемаю
И опускаю остріе—
За эту горестную землю,
За сердце дѣтское твое!

И знаю: врагъ себя навѣрно,
Какъ я, мечомъ опоясалъ.
И что-то имя суевѣрно
На свѣтлой стали написалъ.

Пастанеть часъ! Мы кровью свѣжей
Поля нѣмыя обогримъ!..
И, можетъ быть, одни и тѣ-же
Слова со вздохомъ повторимъ!

Сквозь мглу послѣдняго тумана
Блещутъ въ расширенныхъ очахъ
Два измѣнившихъ талисмана
На вѣрныхъ жребію мечехъ!

Т У Д А !

Грохочутъ въ ночи и летятъ поѣзда —
И рельсы охвачены дрожью.
А въ небѣ далекая свѣтитъ звѣзда
Надъ вѣтромъ взволнованной розью.
И черный бросаетъ во тьму паровозъ
Свой свистъ и глухой, и протяжный.
Огненные искры вметнувшихся розъ
Росой поглощаются влажной.
Все дальше, и мимо нѣмыхъ деревень,
Миная родные пригорки—
Туда, гдѣ вдали занимается день
Невѣдомый, жуткій и зоркій!
Здѣсь высятся грудой живыя тѣла—
Сплетенныя братскія руки.
И ловить пугливая, чуткая мгла
Ихъ соннаго монота звуки.

И теплые вздохи родимой земли
Дарить имъ проснувшийся клеверъ.
— Въ сердца намъ отвагу, отвагу всели,
Нашъ грустный, задумчивый Сѣверъ!
— Солдатикъ! Товарищъ! Ты видишь?
Смотри

На узкую солнца полоску!
— За эти деревни! За трепеть зари!
За эту тѣмную березку!
Медянные запахи спящей ржи
Ты вспомнишь, почувствуя порохъ!
Свой остро-отточенный мечъ обнажи
Съ мечтой о далекихъ просторахъ!
Вбери-же, впитай въ эту мощную грудь
Всѣ тѣни, всѣ запахи ночи!
— Быть можетъ тяжелый и длинный твой
путь

Покажется легче, короче!..
И въ часъ, когда крѣпко вонзятся клинки,
Горячей обрызганы кровью—
Ты вспомнишь поля и на нихъ васильки—
И вспыхнешь великой любовью!
... Грохочутъ въ ночи и летятъ поѣзда
И рельсы охвачены дрожью.
А въ небѣ далекая свѣтитъ звѣзда
Надъ вѣтромъ взволнованной рожью!..

ОНИ ИДУТЪ!.

Они идутъ! Отъ пыли сѣры,
За строемъ строй. За рядомъ рядъ.
Глаза, исполненные вѣры,
Отвѣтъ рѣшимости горять.

И бронза лицъ ихъ загорѣлыхъ
Въ стальныхъ штыкахъ отражена.
Шаговъ стремительныхъ и смѣлыхъ
Не поглощаетъ тишина.

Но, повторяетъ каждый камень
И мѣрнымъ ритмомъ отдаетъ—
И растопляетъ новый пламень
Сердца сковавшій прежній ледъ!

Они идут! Земная тяга —
Въ налитыхъ мускулахъ ихъ тѣль.
Безъ крови — радостнаго блага
Никто отдать не захотѣль.

Самъ рокъ таинственный и древній
Склонилъ невѣрные вѣсы:
Средь мирно дремлющей деревни
Сверкаетъ мечъ взамѣнъ косы!

Закатъ зажечь свои рубины
На изумрудахъ спѣлой ржи.
Не будутъ согнуты сныны
Въ поту клониться у межи!

Но, — гордо выпрямлены, — груди,
Съ другой жосою — встрѣтить смерть!
Вамъ начертала жребій, люди,
Небесъ лазоревая твердь!..

И, можетъ быть, когда на плечи
Вамъ Рокъ ярмо взвалить, — въ тотъ часъ —
Для глазъ невидимыя свѣчи
Вверху затемлены для васъ!

... Озарены ихъ краткимъ свѣтомъ
Они идутъ — но не рабы, —
Идутъ герои за отвѣтомъ
Масъ испытующей судьбы!..

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ.

Еще вчера считалъ я лишнимъ,
Неужнымъ Господу себя.
И былъ готовъ передъ Всевышнимъ
Предстать, волнуясь и скорбя:

— Простишь-ли мнѣ, что въ мѣрѣ этомъ
Я самъ ускорилъ свой конецъ?
— Кто былъ съ оружіемъ—поэтомъ,
Тотъ съ лирою звучной — не боецъ!

Я перепуталъ всё дороги
И всё испробовалъ пути.
Съ душой, исполненной тревоги,
Не мнилъ я радости найти!

Казалось мнѣ, что все измѣрилъ
И все постигъ мой гордый умъ!
Когда въ безоблачность я вѣрилъ,—
Пронесся бѣшеный самумъ!..

И входы зыбкіе, что множили
Трудомъ упорнымъ я своимъ,
Опъ безопасно уничтожилъ,
Какъ солнце — снѣгъ, какъ вѣтеръ —
дымъ!..

Я шелъ къ Тебѣ!.. Судьба едва-ли
Могла отраву расплескать!
Но въ эту ночь меня... позвали!
Меня? Зовутъ? Меня! Опять!..

Вѣдь я совсѣмъ обезоруженъ
Стоялъ въ тоскѣ у вѣчныхъ врагъ—
И вдругъ, я слышу: ты намъ нуженъ!
И, вдругъ, я ясно слышу: братъ!

— Не оттого-ль себя тревожишь,
Что въ одиночествѣ ты сирь?
Что потерять ты бѣдный, можешь?..
А покорить... ты можешь мѣрь!

... И вотъ иду. Такой-же сѣрый,
Безмѣрно-малый, какъ они!
Но съ ярко вспыхнувшею вѣрой,
Какъ въ тѣ исчезнувшіе дни!

И болью странною, но сладкой
Томится вновь душа моя —
Неразрѣшимю загадкой
Всегда живого бытія!

Благодарю Тебя, Всевышній,
За то, что въ горестной судьбѣ —
Не лишній, Господи, не лишній
Твой сынъ, вернувшійся къ Тебѣ!..

В С Ъ !

Плющомъ обвиты колонны.
Гербомъ украшенный фронтонь.
Лакеевъ строгіе поклоны.
Ковровъ тяжелыхъ мягкій тонъ.

Легендъ минувшихъ гобеланы.
Старинной бронзы переливъ.
Здѣсь прошлымъ вѣкомъ дышать стѣны,
Въ уютѣ дремлющемъ застывъ.

И рядомъ многихъ поколѣній
Здѣсь каждый шагъ запечатлѣнь.
Не бьется мозгъ въ борьбѣ сомнѣній,
Но отдается въ сладкій плѣнь.

43497

Здѣсь, день за днемъ—въ старинныхъ
гнѣздахъ

Довольство правило одно,—
Легко, какъ легокъ вѣшній воздухъ,
Какъ виноградное вино...

Но вдругъ потокомъ волнъ бурлящихъ
Хлестнуло съ шумныхъ площадей
Черезъ мраморъ львовъ, у входа спящихъ,
Въ уютъ испуганныхъ людей!

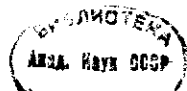
...Басиль, дьячокъ огромнымъ басомъ...
Подъ вздохи слившихся сердецъ,
Предъ родовымъ иконостасомъ —
Благословилъ его отецъ.

Блестящій гвардіи поручикъ
Коснулся радостно — легко
И молодыхъ, и старыхъ ручекъ...
— Прощай, Катинь!— Прощай, Кого!..

Сырая темная каморка.
Прокиспій запахъ кислыхъ щей.
Убогий столъ. Сухая корка.
Обрывки найденныхъ вещей.

Здѣсь, подъ колоннами, въ подвалахъ
Страдаютъ, любятъ и живутъ.
Тутъ солнца лучъ блеснетъ едва ли,
Но счастье можетъ быть и тутъ!

Склонивши голову на столикъ
Рыдаетъ Марья:—на кого
Насъ покидаешь, мой соколикъ?!
Не плачь, Манутка!.. Ничего!..

И въ часъ одинъ—богачъ и бѣдный,
И сынъ, и пасынокъ судьбы—
Пойдутъ туда, гдѣ слышенъ мѣдный
Призывъ рокочущей трубы!

ВЪ ЭТИ ДНИ ...

Играй намъ, веселый шарманщикъ!
Въ домахъ этихъ радости пѣть...
Баюкай, бродячій обманщикъ,
За нѣсколько звонкихъ монетъ!

Ты видишь — мы стали добрѣе:
Какъ много летитъ серебра!
Мы чувствуемъ раны острѣе—
И лѣчимъ ихъ ложью добра!

Отъ горестей стали мы старше!
Насъ крѣпимъ виномъ нагон:
Играй намъ веселые марши
И грустные вальсы твои!

Кто счастливъ, кто радостенъ нынѣ
Въ огромныхъ, высокихъ домахъ?
Нагривувшій вѣтеръ съ пустыни
Сердца обращаетъ во прахъ!..

Глади — изъ раскрѣвшихся оконъ
Однѣ за другимъ, чередой,
Мелькаетъ дѣвическій локонъ,
А рядомъ печально-сѣдой!..

Всѣмъ хочется ложью минутной
Купить своимъ душамъ покой.
Играй же, шарманщикъ безнотный,
Играй же, забавный такой!

Ты — вольный, не связанный цѣпью
Изъ маленькихъ звеньевъ любви!
Ты звалъ свою родину степью,
А мы... Вотъ монета! Лови!

Тревожныя мысли! Не жальте!
— Вернутся, вернутся они!
Какъ много монетъ на асфальтѣ
Звенить въ эти грустные дни!..

Звенить суевѣрная плата
За счастье въ далекомъ краю!
За мужа, за сына, за брата,
Быть можетъ погибшихъ въ бою!..

... Играй намъ веселый шарманщикъ!
Въ домахъ нашихъ радости имѣть...
Баюбай, бродячій обманщикъ,
За нѣсколько звонкихъ монетъ!..

ТРИ ЦВѢТА .

Легкихъ тканей сверкающій ворохъ,
Сотни женскихъ мелькающихъ рукъ.
И чудесная вѣра во взорахъ
Въ облегченіе ниспосланныхъ мукъ.

Это дѣвушки, женщины въ бѣломъ,—
Цѣлый станъ матерей и сестеръ,
Упоенныя благоднымъ дѣломъ
Погасить запылавшій костеръ!

— Мы для васъ, дорогіе страдалицы,
Эту скромную даль отдаемъ!
Торопливые, тонкіе пальцы
Надъ печальнымъ мелькаютъ шитьемъ.

Каждой мнится, что въ подвигъ бранномъ
Только милый ея пораженъ...
— Пусть поможетъ страдальческимъ ранамъ
Бѣлый даръ опечаленныхъ женъ!

Слышны залпы и грохотъ орудій,
Ихъ неистово бѣгнущій ревъ!
Другъ на друга бросаются люди,
Человѣка забывъ и презрѣвъ!

И свинцовымъ расплавленнымъ градомъ
Осыпаютъ другъ друга они.
И повсюду бунтующимъ адомъ
Эти черные кажутся дни!

Но сражаются каждый съ любовью
Послѣ грозъ будетъ воздухъ свѣжій!
А поля насыщаются кровью—
Краснымъ даромъ отцовъ и мужей!

И лишь воли людской не подвластны,
Поглощая земли голоса,
Безконечны и вѣчно—безстрастны
Равнодушно молчатъ голоса.

Блещетъ солнце средь облачныхъ скриній,
Лучъ подобенъ горящей стрѣлѣ.
Цвѣтъ небесъ успокоенно-синій—
Даръ небесъ истомленной землѣ!

Пусть же будет великий и смѣлый
Этотъ подвигъ—источникомъ благъ!
Пусть и красный, и синий, и бѣлый
Развѣвается поднятый стягъ!

ШЦІОНЪ.

Таясь въ кустарникѣ колючемъ,
Боясь дышатьсѣ перевести,
Съ восторгомъ нѣжнымъ и могучимъ
Лелѣять зрѣющую мечь.

Онъ все замомнилъ, все увидѣлъ—
И все въ мозгу запечатлѣлъ.
О, какъ онъ страстно ненавидѣлъ!
Какъ отмстить врагу хотѣлъ!

Скользя съ опасностью для жизни,
Пробрася въ станъ своихъ враговъ—
Съ одной мечтою объ отчизнѣ,
Межъ дальнихъ скрытой береговъ!

Ему сказали въ часъ разлуки:
— Теперь вы сами по себѣ!
И онъ пошелъ... на смерть, на муки,
Своей довѣрившись судьбѣ.

Ужъ близокъ часъ... Еще немного!
Еще одинъ лишь переваль!..
Онъ призываетъ въ сердце Бога,
Какъ въ дѣтствѣ Бога призывалъ...

И, вдругъ!.. Онъ ясно различаетъ:
Все ближе топотъ лошадей.
Тревожный гулъ тамъ нарастаетъ
О чемъ-то спорящихъ людей!

Они!.. Последнія мгновенья—
И ждетъ раслаты роковой:
Сейчасъ за сладость дерзковенья
Залатить смѣлой головой!

... Шпіонъ!—Поставить передъ взводомъ!
И ротъ навѣкъ ему заткнуть!
Чего стѣсняться съ этимъ сбродомъ?
Солдаты! Мѣтять прямо въ грудь!

И онъ шепталъ: Да будетъ воля
Твоя, о Боже!.. — Слушай! Или!..
... Надъ тѣломъ брошеннымъ средь поля
Кричать протяжно журавли...

Не оттого -ль душа живая
Такъ стонетъ тихо и болитъ,
Что здѣсь, надъ нами пролетая,
Ихъ стая жалобно кричитъ?..

СЪРАЯ ШИНЕЛЬ.

Вотъ онъ въ сѣрой солдатской шинели:
Бородатый, спокойный, прстой.
— Такъ, что раненъ осколкомъ шрапнели!
Онъ томилъ объяснять густой.

Проступаетъ на бѣлой повязкѣ
Потемнѣвшая бурая кровь!
... Говорять, что въ плѣнительной сказкѣ
Кто-то міру вѣщаль про любовь!..

Сорокъ лѣтъ онъ промыкалъ на свѣтѣ,
Двадцать пять у земли, у сохи.
Были радости, горести, дѣти...
Да, пожалуй, что были грѣхи.

Въ голубомъ и увѣренномъ взорѣ
Отражаясь, павѣкъ залегли
Эти зори, смѣнявшія зори
Этой черной, родящей земли.

Не мелькало томительной скуки
Въ полудѣтскихъ глазахъ никогда:
Это сердце и сильныя руки
Знали чистую радость труда.

И когда его вдругъ оторвали
Отъ любимыхъ и близкихъ заботъ,
Понималъ этотъ пахарь едва-ли,
Для чего и куда онъ идетъ.

— Ты отнимѣ всъ пахарь, а воишь:
Вотъ ружье и свинцовый зарядъ!—
Но, какъ прежде, остался спокоенъ
Голубой и увѣренный взглядъ.

И пошелъ защищать свои нивы
И свои дорогія поля..
— Твои сильныя дѣти правдивы,
Орошенная потомъ земля!

Только чистаго сердца велѣнья,
Лишь они могутъ вдругъ превращать
Эти вѣчно тѣмныя селенья
Въ боевую и грозную рать!

Они Рокомъ указанной цѣлью
Слиты въ мощномъ морывѣ одномъ!
— Разступитесь предъ сѣрой шинелью
Съ темнобурымъ кровавымъ пятномъ!

ПЕРВАЯ ПОБѢДА.

За первую будетъ вторая!
Мы вѣримъ! Мы вѣримъ—и ждемъ!
На грозныя стога взирая,
За Правдою — свѣтлымъ вождемъ!

Пусть каждый отвѣтитъ: я вномяю!
На слово призывное: братъ!
Ступившій на чуждую землю—
У чуждыхъ стоитъ уже вратъ!

И рать, какъ огненная буря
Туда устремится теперь,
Гдѣ, глазъ разъяренный прищуря,
Присѣлъ притаившійся звѣрь!

Народъ-укротитель! Порыву
Не дай получить свою крѣпь!
Остричь непокорную гриву!
На лапы надежную цѣпь!

Кольцомъ окружи его плотнымъ,
Лиши его острыхъ когтей!
И едѣлай домашнимъ животнымъ,
Забавою малыхъ дѣтей!

На грозныя стогна взирая,
За Правдою—свѣтлымъ вождемъ!
За первую будетъ вторая!
Мы вѣримъ! Мы вѣримъ—и ждемъ!..

ЗАГАДКА БЫТІЯ.

Быль сѣрый день задумчивъ и печаленъ.
Прозрачный слѣдъ тонулся отъ весла.
Болотныхъ ллій зелень поросла
У ветхихъ свай разрушенныхъ купаленъ.

Забавный грибъ таился межъ прогалинь.
Стекала съ елокъ свѣтлая смола.
А сосны стары—безмолвные гиганты,
Какъ будто берегли, заботливо любя,

Такую нѣжную и жалкую тебя,
Въ косу цыганную заплетеные банты,
Твой дѣтскій міръ и маленький дневникъ —
Нездѣшнихъ грезъ плѣнительный двойникъ!

Быть может, мѣръ неразрѣшимой тайны
Въ твоихъ глазахъ забыть когда то ключъ
И просто все, какъ этотъ свѣтлый лучъ,
На тонкомъ локопѣ играющій случайно,

Какъ паутинка въ золотой пыли?
И мѣръ есть путь къ таинственной святынѣ,
Который намъ укажутъ корабли—
Нѣмая облака, плывущія вдали,

Въ извѣчно-благостной лазоревой пустынѣ,
Гдѣ таетъ облачко и набѣгаетъ вновь—
Для насъ, мое дитя! Для насъ, моя любовь!..

Быль сѣрый день задумчивъ и печаленъ.
До края жуть наполнила сердца.
Надъ прежнимъ городомъ—надъ грудю раз-
валинъ
Жужжали пчелы, пчелы изъ свинца!

Никто не зналъ, за что онъ былъ ужаленъ,
И ужасъ былъ безъ края, безъ конца!..
Огонь лизалъ изъ мрамора колонны
И все сжигалъ—отъ башенъ до лачугъ,

По улицамъ ползли и извивались стопы,
Ихъ гналъ, какъ бичъ, взметнувшийся ис-
пугъ—
И груды тѣлъ, какъ мрачные уступы
Мостила смерть, путь указуя въ адъ!..

А солнца лучъ ласкалъ цвѣты и травы
И нѣжно золотилъ остеклятившій взглядъ!..
... Быть может, мѣръ неразрѣшимой тайны
Въ твоихъ глазахъ забыть когда-то ключъ

И просто все, какъ этотъ свѣтлый лучъ,
На мертвомъ личикѣ играющій случайно,
Въ рубины красящій застывшую кровь—
Твою! мое дитя!.. Твою!.. моя любовь!..

БРЕДЪ.

Играйте, играйте мазурку Шопена!
Безуміемъ юности сердце полно!
Ахъ, докторъ!—Глядите—кровавая дѣва --
Совсѣмъ, какъ искристое блещетъ вино!

Какъ пріятно холодныя дышутъ левкои!
Какъ сладко горячимъ прильнуть лицомъ...
Уйдите, уйдите! Оставьте въ покоѣ!
Зачѣмъ вы меня окружили кольцомъ?

Чудесная пѣсня о Вѣщемъ Олѣгѣ!
«Ихъ села и пивы за буйный набѣгъ»...
Все тихо. Вотъ поле. Я ѣду въ тѣлѣгѣ.
А облачко въ небѣ, какъ розовый снѣгъ!

Пады темною рожью, сернами носжатой,
Кружить золотой-золотой мотылекъ.
И пахнутъ холодной, чудесною мятой.
Измятый копытомъ, дрожить василекъ.

Темнѣеть. Я зябну. Маруся, ты тоже?
Прохладой внизу потянуло съ рѣки.
Послушные кони, почувствовавъ вожжи,
Прибавили шагъ... Вдали огоньки!

Ну, здравствуй, собачишь! Здорово, Діанка!
— Смотри! Лошадей проводить не забудь!..
— Сестрица! какъ жжетъ эта глупая рапка!
Скорѣ мнѣ льду на горящую грудь...

Спасибо, спасибо! Чудесныя руки!
Отъ нихъ, словно вѣшій идетъ холодокъ...
Вы слышите? Слышите? Выстрѣловъ звуки!
Обходной колонной! Ребята въ лѣсокъ!

Смѣются! Хохочутъ! Вери ихъ на пике!
Солдаты, въ атаку! Коли! Не жалѣй!
...Какъ пахнутъ левкой! Какъ пахнутъ гвоз-
дики!

Прохладой повѣяло съ дальнихъ полей!..

Вы знаете? Это ужасная драма:—
Мнѣ нѣмецъ наставилъ однѣхъ единицъ!
— Родная, любимая, милая мама!
Зачѣмъ эти слезы у темныхъ рѣспиць?..

Ахъ, докторъ! Глядите — кровавая пѣна
Совеѣмъ, какъ искристое блестящее вино!
Тревожною радостью сердце полно!..
Сыграйте, сыграйте мазурку Шопена!..
Какъ пахнуть девкой!.. Какъ душно!.. Темно!..

ОДНА ИЗЪ МНОГИХЪ.

Еще вчера она плясала
Въ утѣху сытымъ господамъ
И взгляды жуткіе бросала
По очарованнымъ рядамъ.

Звенѣли кольца и заястья,
Но каждый чувствовалъ и зналъ,
Что это только призракъ счастья
Обманный танецъ танцовать!

Потомъ танцовщицу ласкали
Холодой, опытной рукой ---
И каждый въ львиномъ бокалѣ
Искалъ свой призрачный покой.

Еще вина! Еще веселья!
Въ душѣ скребетъ когтистый звѣрь.
Пусть дальше, дальше часъ похмелья!
Пусть завтра, завтра! Не теперь!..

Вина! Оней! Цыганскихъ пѣсень!
И самыхъ пламенныхъ отравъ!
Просторный залъ сегодня тѣсенъ
Для ихъ изысканныхъ забавъ!..

И вдругъ!.. Оттуда, изъ предмѣстій,
Изъ переулковъ и угловъ.
Впозднѣ неслыханныя вѣсти
И гулъ тревожныхъ голосовъ...

И въ ней, невѣстѣ предъ амвономъ, —
Гитапу тицетно я искалъ...
И прозвѣдѣлъ печальнымъ звономъ
На землю брошенный бокаль.

Не тамбуринъ — другіе звуки
Въ далекомъ полѣ будятъ кровь...
Благословляю эти руки
И материнскую любовь!..

Она склоняется тревожно.
Невольнo катится слеза.
И закрываетъ осторожно
Чужіе — близкіе глаза...

Еще вчера!.. Подъ звонъ зашастья
Ты тапцовала мнѣ вчера!..
Плясунья жаждавшая счастья,
Моя нежданная сестра!..

ТАКЪ НАДО !.

До свиданья, мой нѣжно-любимый,
До свиданья, мой свѣтлый женихъ!
Собери эти слезы и вымой
Раны въ жаркихъ слезинкахъ моихъ!

Сразу скрылося солнце за тучу,
Сразу спряталось счастье отъ насъ.
Не сердись на меня, что я мучу
И тебя, и себя въ этотъ часъ!

Это сердце всегда было радо
Твоему покоряться уму.
Ты печально промолвить: Такъ надо!
Я не смѣла спросить: Почему?

Обоюю эти мощныя плечи!
Не отдамъ эти кудри врагу!
Ты уходишь? Такъ надо?.. Я свѣчи
Предъ старинной иконой зажгу!

Буду жарко молиться, чтобъ злую
Отвратила погнѣбель гроза,
А потомъ горячо поцѣлую
Дорогіе, родныя глаза!

О, печальныя дѣвушки, вѣрите:
Не отниметъ любимыхъ судьба!
— Развѣ вѣсть дыханіе Смерти
Вкругъ высокаго, чистаго лба?

Загремѣли призывныя трубы,
Словно сталъ прослувшихся птицъ.
И горячія дѣвчьи губы
У любимыхъ трепещутъ рѣсеницъ,

А колесъ надеждливый ропотъ
Захлунаетъ свисткомъ паровозъ.
Торопливый, стремительный шепотъ
Оборвался и замеръ средь слезъ.

... Еле слышна вдали канонада.
Груда мертвыхъ и раненыхъ тѣлъ.
Зоркій ястребъ, кружась, пролетѣлъ
И на трунѣ спустился...—Такъ надо!..

И изогнутой клювъ свой, какъ разъ,
Ошь вонзаетъ въ закрытыя вѣки
Этихъ скорбныхъ, уснувшихъ навѣки—
Безконечно-цѣлованныхъ глазъ!..

С Л У Ч А Й.

(Изъ связки писемъ).

I.

Милая Lise! Николашеньку взяли...
Я потеряла и сонъ, и покой.
Сердце не вынесетъ муки такой.
Къ этой разлукѣ привыкну едва-ли!

Впрочемъ, и косточкамъ старымъ нора,
Важется, въ путь приготовиться дальшій.
Были вчера у меня доктора.
Каждый старался глядѣть безпечальнѣй.

Всѣ увѣряли: «минуетъ гроза».
Но прибавляли: лѣчите глаза!
«Сами писать и читать избѣгайте»!..
Коленька, ѣдучи, очень просилъ

Мать—не расходовать старческихъ силъ.
Я обѣщалася... Lise пріѣзжайте!
Какъ Николашенька будетъ вамъ радъ,
Если, Богъ дастъ, онъ вернется назадъ!

Сердце тоска безконечная гложетъ...
Будете письма его мнѣ читать.
Вмѣстѣ отвѣты мы будемъ писать.
Lise! пріѣзжайте! Господь вамъ поможетъ!..

II.

Здравствуй, родная! Сегодня сиѣшу
Съ первой оказіей почту отправить.
Можешь, голубушка, сына поздравить!
— Я со вчера уже крестикъ ношу!..

Ты себѣ просто не можешь представить,
Какъ это вышло! Прилежь я уснуть.
Спали товарищи рядо́мъ въ палаткѣ:
Всѣхъ утоми́лъ продолжительный путь.

Сны мои были илѣнительно-сладки!
Снился мнѣ старый, любимый нашъ домъ.
Въ зелени сада бѣлѣли колонки.
Слышать я лай твоей хитрой болонки.

Кто-то игралъ на рояли... Потомъ
Громко захлопнули крышку рояли.
Струны заплакали, тихо звеня.
Кто-то тревожно окликнуть меня.

Коля, вы спите? Какъ будто, стрѣляли?
Мигомъ поднялся. Гляжу,—а вдали—
Медленно движется облачко пыли.
Мигъ пролетѣлъ—мои люди вскочили!

Мигъ пролетѣлъ—я скомандовалъ: мнѣ!..
Ну, и была-же, мамусенька, схватка!
Какъ удѣлялъ я?—ей-Богу, загадка!
Спѣшились нѣмцы у самой рѣки.

Я съ тобой мысленно тихо простился,
Громко ко взводу потомъ обратился:
... Слушать команду! Ребята, въ штаны!
... Часъ промелькнулъ! У прибрежныхъ ус-
туповъ

Красною стала рѣчная волна...
Ты понимаешь, мамуся, она
Стала такой отъ исколотыхъ труновъ!..
— Вотъ и всего лишь! Заныла рука...

Я позабылъ рассказать, что контуженъ.
Ты не волнуйся! Вѣдь рана легка.
Докторъ сказалъ, что покой только нуженъ...
Рѣшительно плачу! Смотри, обѣщай

Быть молодцомъ и не плакать напрасно!
Вѣрь, что грядущее будетъ прекрасно!
Съ первымъ Георгіемъ твой Николай!

Ш.

Только, старухѣ,—миѣ все невдомакъ
Миѣ говорили, что полкъ твой на мѣстѣ.
Жду—не дождусь хоть коротенькой вѣсти.
Мой дорогой, мой любимый сыночек!

Плохо-ли это, совсѣмъ хорошо-ли.
Ты меня можешь, конечно, понять:
Я не полковникъ, а Колина мать,
Значить, и думаю только о Колѣ!

Я-то сама ужъ писать не могу.
Лизанька—въ роли моей секретарши:
Пишетъ, читаетъ, играетъ миѣ марши.
Я ради Коли глаза берегу!

Значить, и Колецька долженъ беречь
Ради себя и мамуси—здоровье.
Лизанька шутить: въ всеобщемъ сословьи
Не о здоровьи, сударыня, рѣчь!

Дома у насъ тишина—и, какъ прежде,
Цѣлыми днями сижу у окна.
Словно въ объятіяхъ сладкаго сна.
Сердце въ одной липѣ томится насждѣ,—

Маленькій Коля вернется опять—
Тѣ-же глаза и усы, и улыбки.
Будетъ Шопена играть онъ на скрипкѣ,
Будетъ морщины мои цѣловать!

Будетъ смѣяться сыночекъ мой звонко,
Въ садѣ озоривъ иобъжить по росѣ...
Вѣрю! Я вѣрю! Ты слышишь, болонка?
Слышите, Лизанька? Слышите все?!

Всё это будетъ! Я знаю! Я старше!
Старое сердце стучитъ въ тишинѣ.
Громче звените, побѣдные марши!
Скачетъ мой мальчикъ на бѣломъ конѣ!

Какъ возмужалъ и окрѣпъ мой сыночекъ!
Темный загаръ... Соколиная бровь...
Что это, Колешка? Бѣлый платочекъ—
Темная сразу окрасила кровь?!

... Лизанька вновь надо мною хохочетъ,
Гдѣ ужъ старуху понять молодой?
Впрочемъ, пасьянсъ мнѣ дорогу пророчитъ.
Только куда мнѣ въ дорогу—сѣдой?..

Крѣпко тебя обнимаю, мой мальчикъ,
Буду портреты твои дѣловать,
Каждый волосикъ и маленький пальчикъ!
Помни свою престарѣлую мать.

IV.

Простите! Но бремя тяжелой задачи
Судьба безпощадно кладетъ на меня:
Не ждали мы близости скорбнаго дня,
Но Рокъ разсудилъ, очевидно, ипаче!

Сегодня скончался мой раненый другъ,
Предсмертною просьбой меня удостоивъ.
Онъ умеръ, какъ лучший изъ нашихъ героевъ,
Какъ лучший изъ преданныхъ родиѣ слугъ.

Онъ тихо шепталъ: «Умоляю о смерти
Писать не спѣшите мамусѣ моей,
Но пишите искусно и длительно ей!»...
Я просьбу исполнилъ... Сударыня, вѣрьте,

Что буду и дальше писать, какъ сейчасъ!
А всё остальное зависитъ отъ васъ!..

У.

Простите! Но бремя тяжелой задачи
Кладѣтъ безпомощно судьба на меня:
Не ждали мы близости скорбнаго дня,
Но Рокъ разсудить, очевидно, иначе.

Сегодня скончалася Коляна мать,
Не вынесши горя печальной разлуки.
Последнія слезы, последнія муки,
Клянусь, я не въ силахъ теперь описать.

Последняя просьба: чтобъ Коля о смерти
Не знаетъ до прїѣзда домой—ничего.
Обмалывать я поклялася его—
И волю покойной исполню, повѣрьте!

Вотъ, первую ложь посылаю сейчасъ.
А всё остальное зависитъ отъ васъ!

ПУТЬ КЪ ПОБѢДѢ.

Мужайтесь! Потерь неизбежныхъ
Не въ силахъ никто отвратить!
Кто можетъ безумству мятежныхъ
Предѣльную грань начертить?

Есть высшая правда на свѣтѣ,
Чѣмъ правда случайныхъ побѣдъ!
Нельзя по одной примѣтѣ
Судить о количествѣ бѣдъ!

Борьба—это вѣчная смѣна—
Гдѣ участь рѣшается твою
Не чудомъ пришедшій Мессія,
Но мужество павшихъ въ бою!

Борьба—это вѣчная смѣна—
Враждующихъ снѣтъ череда,
Пока одному неизмѣнно
Не скажетъ Судьба свое: да!

Никто никогда не измѣритъ
Полетъ въ поднебеснн орла,
Но тотъ, кто охотится,—вѣрнѣе,
Что будетъ смертельной стрѣла!

У смѣлаго руки не дрогнуть,
Не выпадутъ стрѣлы изъ рукъ:
Чѣмъ болѣе дужь его согнуть,
Тѣмъ болѣе выпрямленъ дужь!

Лишь тотъ, кто рѣшился, достигнетъ
Держающій можетъ унасть,
Но онъ, только онъ, и воздвигнетъ
Вѣщцовъ завоеванныхъ власть!

Пусть вѣтеръ колыхнетъ доскутя
Увѣчанныхъ славой знаменъ!..
Сегодня сошлась перепутья
Былыхъ и грядущихъ временъ!

Весь мѣръ свои чайныя сузилъ—
Одною мечтою томимъ:
Рубите запутанный узелъ
И петли другія за шнуръ!

Пускай не смущаютъ ошибки,
Пускай не возносятъ успѣхъ!
Улыбки, прекрасной улыбки
Для этихъ, кто здѣсь, и для тѣхъ!

Въ молитвѣ за самыхъ мятежныхъ
Спѣшите колѣни склонить!
Мужайтесь! Потерь неизбѣжныхъ
Не въ силахъ ничто отвратить!

НАШЪ ПЛЫНИКЪ!

Какъ затравленный звѣрь, онъ забился въ углу,
Ожидая мучительной казни.
Жуткій взоръ устремленъ въ предразсвѣтлую
мглу,

Полный жалкой и темной боязни.

Громыкаетъ вагонъ и въ гудѣньи колесъ
Столько слышатся сдавленныхъ жалобъ...
О, когда-бъ хоть одна изъ волны этихъ слезъ
На родимую землю упала-бъ!

Но по чуждымъ полямъ изливается путь.
Колосится чужіе посѣвы.
И угрюмыхъ людей въ истомленную грудь
Проникаютъ чужіе нагѣвы.

Странно!.. Здесь, как и там, забывают
путь

Цѣлину черноземную пахень.
А ему говорили, что страшны враги!
Но вѣдь пахарю пахарь не страшенъ?..

Развѣ онъ виноватъ, что по волѣ чужой
Чьей-то злой и разнузданной силы
Онъ разстался съ любимой, привычной междою,
Чтобы рыть своимъ ближнимъ могилы?

... А вагоны летать.. Дномъ смѣняется ночь.
И грохочутъ, грохочутъ колеса.
И отвѣта найти умъ не можетъ помочь
Для безумнаго сердца вопроса!

И спать, и опять!.. Эта жуткая власть
Овладевшею душою тревоги.
Онъ готовъ умолять, на колѣни упасть
Цѣловать побѣдителямъ ноги!

— Попадате меня! Я двадцатой весны
— Не могу насчитать отъ рожденья!
Но гнетутъ, но гнетутъ его черные сны
И кровавой расправы видѣнья..

Привезли.. Вотъ сейчасъ!.. О, Господь! Че-
резъ шагъ
Онъ падеть подъ ударами плети —
И поднимутъ вокругъ и насмѣшки и крикъ
Чужеземныя алчныя дѣти!

Онъ идетъ... Изъ толпы, улыбаясь ему,
Кто-то съ лаской песеть угощенья!..
Непостижный германской души и уму,
Знакъ славянской любви и прощенья!

СВАЗКИ.

Когда-то... Когда-то... Въ далекое время,
Когда на землѣ процвѣтала любовь
И мѣръ не давило безумное бремя—
Рукой человѣка пролитая кровь,

И люди не знали, какъ странно и жутко
Томиться въ грѣховной, безрадостной мглѣ,—
Тогда мой ребенокъ, тогда, мой малютка,
Все было иначе на этой землѣ!

Плоды отягчали и гнули деревья:
Весь мѣръ былъ роскошный и благодѣтельный
садъ!

Легко на кочевья мѣняя кочевья,
Бродилъ по вселенной счастливый помадъ.

И въ пышномъ обилии всяческихъ знаковъ
Легко находилъ пропитаніе огъ.
Для всѣхъ неизмѣненъ, для всѣхъ одинаковъ
Труда и любви былъ начертанъ законъ.

Безбрежныхъ морей голубья пространства,
Порою, едва бороздили челны...
И море не знало другаго убранства,
Какъ розовый жемчугъ всплывающей волны.

И золото солнца узоромъ чудеснымъ
Смѣняло усталой луны серебро
И только, въ просторѣ купаясь небесномъ,
Лаше птица роняла на землю перо!

... Когда-то.. Когда-то.. Въ далекое время,
Когда на землѣ процвѣтала любовь,—
Ее населяло счастливое племя—
И легкая въ жилахъ струилася кровь!

— Но кто-то въ извилинахъ темныхъ разсудка
Сомнѣній безумную искру зажегъ —
И міръ, мой ребенокъ,—и міръ, мой малютка,—
Быль проклятъ и вспыхнулъ пожаромъ тре-
вөгъ!..

И души расплавилъ неистовый пламень,—
И кроткая въ небѣ померкла звѣзда.
И люди таскали желѣзо и камень,
И строили кѣлѣтки свои города!

А волны морскія въ безвѣстныя дали
На гривахъ косматыхъ, ворча, понесли
Въ оковахъ изъ стѣрой, безжизненной стали
Несущіе ужасъ и смерть корабли!

И въ небо, гдѣ солнцѣ въ своей колесницѣ
Въ размѣренномъ бѣгѣ отмѣтило вѣкъ,
Поднялся, подобный стремительной птицѣ,
Безумный, отважный, но злой человекъ!

... И кровь его льется на морѣ, на сушѣ
И въ небѣ! и въ небѣ, куда онъ взлетѣлъ...
И все-же мы вѣримъ въ безсмертныя души
Кровавыхъ, другъ другомъ растерзанныхъ
Тѣль!..

И Г Р А.

Вы уходите, милый? Такъ надо?
Слиться съ ними? Стать частью? Зерномъ?
Вамъ—съ тоской близорукаго взгляда,
Палочнаго терпкимъ виномъ?

А маркиза въ робровахъ и въ пудрѣ?..
Что-же будетъ, подумайте, съ ней?
Вы такъ тщательно свѣтлыя кудри
Рисовали, мнѣ помнится ей!

Эти, нервные, тонкіе пальцы—
Для чего они тамъ, на войнѣ?
Вамъ, какъ дѣвицѣ пряжу, да пальцы
Въ освѣщенномъ закатомъ окнѣ!..

Темный садъ... Упали на грядки
Лепестки отцвѣтающихъ розъ.
И, какъ странно, вы помните? Сладкій
Вдругъ приливъ неожиданныхъ слезъ!

Впрочемъ, это понятно, понятно:
Были чисты и молоды все!
И потомъ... эти бѣлые пятна
Нашихъ дѣвусшекъ въ лунной росѣ!..

Наконецъ, ваши книги, эстампы
И коллекціи старыхъ гравюръ!
Ровный свѣтъ металлической лампы
И зеленый ея абажуръ...

О, я знаю: такъ надо! Но, милый...
Отчего вмѣсто скорби у васъ
Блещутъ новой и дѣйственной силой
Два огня удивительныхъ глазъ?

Вы такой углубленный и нѣжный..
А война, это—ставка на кровь!
Такъ откуда-же взглядъ вашъ мятежный?
Отчего такъ изогнута бровь?

И, я помню, вы тихо сказали,
Разставаясь со мной ноутру:
— Я художникъ! и тиль-ли, гроза-ли,
Я люблю только блескъ и игру!

...Можетъ быть... Можетъ быть... И, не зная,
Что сказать, вашу руку и сжалъ—
И была та рука леденая.
Свѣтъ невѣрный на небѣ дрожалъ...

Въ церкви тихо и скорбно прошли.
Рдѣлъ закатъ, какъ тогда, какъ вчера.
Бѣдный другъ! Милый другъ! Неужели
Это—всей вашей бури игра?!

О ВѢРНОЙ ЛЮБВИ.

(Изъ легенды Греспобла)

Когда противъ сына Ислама
Онъ шелъ на кровавую битву
Ему благородная дама
Свой шарфъ повязала на мечъ

Въ капеллѣ печальныя арфы
Прозвѣли послѣдній хоралъ,
Мелькнули на рыцаряхъ шарфы
И золото пышныхъ забралъ.

Онъ бился съ безумной отвагой—
И мѣтокъ былъ каждый ударъ!
И врагъ отступалъ передъ ингагой:
— Тамъ жъ чудодѣйственный даръ!..

Быть вѣрнѣ изъ стали дамаасской
Сверкающій острый клинокъ.
Счастливицу съ зеленой повязкой
Плата уже слава вѣнокъ.

Но разъ въ бѣлоснѣжной туникѣ
Кровавый зардѣлся рубинъ.
Въ предсмертной мечтѣ къ Вероникѣ
Стремится ея палладинъ.

Погибель готовило злую
Пронзавшее сердце копьѣ:
Уснѣлъ начертать отвѣтъ «цѣлую»
На шарфѣ зеленомъ се.

И вѣрнѣй слуга господина,
Три ночи коня горяча,
Отвозить письмо палладина
На легкой повязкѣ меча.

Сзываетъ для общей молитвы
Герольдъ опечаленныхъ женъ—
За душу того, кто средь битвы
Быть въ сердце копьемъ пораженъ!

Несутся хоралы, волнуя,
Средь залитыхъ солнцемъ полей:
«Пусть вздохи его поцѣлуетъ,
«Дойдутъ отвѣтъ любимого къ ней!»

Вдругъ жалоба жепекаго крига!
Виделася въ мелодію арфъ:
Узнала его Вероника
Подаренный рыцарю шарфъ!..

Душа ея въ тѣмъ грустномъ хоралѣ
Растаявъ, исчезла, какъ дымъ...
— Тогда отъ любви умирали,
Возь вѣрить легендамъ инымъ!..

... Подобное чувство могло-бъ ли
Сверкнуть въ нашихъ тусклыхъ дни?
Ахъ, добрые люди въ Гренсблѣ,
Любили-ли вы, какъ они?!

Танцуетъ здѣсь— надъ сватами ихъ крышъ.
На шумныхъ улицахъ, устроенныхъ для оргій,—
Одинъ сборъ хранить покой и тень!
Какъ будто онъ во имя искупленья—

Последній даръ встревоженныхъ сердець.
Какъ будто онъ предотвратитъ копейку,
Начертанный судьбой для поколѣнья!
Его покой невозмутимъ и строгъ,

А стѣны мрачныя безжизненны и сѣры.
Уродливыхъ гримасъ исполнены Химеры,
Какъ будто говорятъ: не преступая по
Но если пилигримъ въ своей душѣ сберѣтъ

Источникъ благодетельный непреходящей вѣры—
Пустькай идетъ: его защититъ Богъ!
Лампадный свѣтъ... Малиновой завѣсой
Отъ взоровъ скрытъ суровый кардиналъ.

Окутанъ ладаномъ изваянный порталъ.
Гудитъ органъ. Съ торжественною мессой
Царить душѣ-прекрасный часъ настаетъ!
Льютъ аромат мистическія розы

У блѣдныхъ ногъ задумчивыхъ Мадоннъ.
Лампадный свѣтъ рубиновыя слѣзы
Роняетъ вдоль незыблемыхъ колоннъ.
Какъ сердца вздохъ и сладкій, и тревожный

Съ мечтой дѣтей молящихся роднить!
Какъ будто воплотить безжизненный гранитъ
Забитый сонъ, какъ счастье, невозможный!..
...И этотъ храмъ, которому вѣка

Мечту людей о радости вручали,
Дерзала обратить безумнаго рука
Въ простую горсть исполненной пыли!..
Такъ пусть-же въ часъ волнений и тревогъ

Уста людей, шептавшихъ: люди—братья!
Исторгнуть на враговъ послѣднія проклятья—
И да услышите ихъ, какъ звукъ молитвы, Вѣсть!..

ФРАНЦИИ.

Въ эти дни, когда клики: Осанна!
Заглушаются крикомъ: Распина!
Позабытый рассказъ Мопасана
Воскрешаютъ неволью они.

Какъ далёко умѣлъ онъ провидѣть,
Какъ обидь не хотѣлъ онъ забыть!
Какъ онъ страстно умѣлъ ненавидѣть,
Какъ безумно и нѣжно любить!

Горечь скорби душа сберегала,
Сладость мести таила она:
Страстнымъ бунтомъ возставшаго Галла
Эта жуткая книга полна!

И тому, кто тревожную совѣсть
Не распродалъ по сходной цѣнѣ,
Пусть напомнитъ печальная повѣсть
О жестокой мпувшей войнѣ!

... И, какъ нынѣ, лихіе драгуны
Совершали набѣги—тогда!
Какъ теперь полудикіе гунпы
Обращали во прахъ города!

Вотъ одинъ во враждующемъ станѣ—
Престарѣлый печальный аббатъ:
Лента крови на черной сутанѣ,
Но священникъ трезвонитъ въ набатъ!

Вамъ прекрасныя дѣвушки въ Лиллѣ,
Содрогаясь, разскажутъ о томъ,
Какъ ихъ наглые шеабы любили,
Какъ бросали солдатамъ мотомъ!

И рубцы, и кровавые шрамы
Вамъ разскажутъ о мукахъ людей,
Защипавшихъ священные храмы,
Гдѣ кормили враги лошадей!

Не осталось у Франціи милой
Блѣдныхъ лицъ, не смятыхъ ногой—
И рыдастъ нѣтъ надъ могилой,
Надъ мечами ея дорогой!

Но души просвѣтленной—Осанна!
Заглушить бѣсноватыхъ: Расгни!
... Слаще яда стрела Мошасана
Для любви въ эти жуткіе дни!..

ПЕТРОГРАДЪ.

Возникъ на тонкихъ берегахъ
Наперекоръ природѣ грозной.
Назначенъ путь ему въ вѣкахъ—
Сверкать, какъ свѣтъ сверкаетъ звѣздный!

И вмѣстѣ съ нимъ пришла пора
Давно желаннаго разсвѣта:
Желѣзной волею Петра,
Мечтой вѣнчаннаго поэта.

Сказать: Да будетъ!—и гранить
Затенить блескъ дотолѣ скрытый.
Гуда пѣвучаю звенить—
Межъ камней кладъ поетъ открытый.

И городъ-призракъ, городъ-сонъ
Растетъ на сѣверѣ пустынною,
Какъ будто въ сказкѣ вознесенъ
Онъ мановеніемъ единымъ.

Какъ взмахомъ вѣрнаго весла
Порой смиряется стихія,
Такъ съ новымъ городомъ росла
И крѣпла новая Россія!

И тамъ, гдѣ прежде тишина
И ночь, глубокая царила,—
Полоска узкая одна
Лѣса, и степи озарила.

Благословенная Судьба
Побѣдный путь намъ предвѣщала
И въ повелителя раба
Другихъ народовъ обращала.

Такъ было свыше суждено—
И мы живемъ еще мечтами,
Что станеть преждее окно
Отнынѣ свѣтлыми вратами!

Здѣсь двухъ вѣковъ цѣмая градь
Проведена чертой упорной.
Подхваченъ снова кличъ: возстань!
Странною жребію покорной!

На дерзкій вызовъ свой отвѣтъ
Дастъ вновь гранитная громада—
И вновь блеснетъ Россіи свѣтъ
Съ высотъ родного Петросрада!

II.

JEAN QUI RIT...

КТО ПРАВЪ!

У нихъ былъ споръ о тайнѣ міра.
Одинъ—мудрецъ. Другой—поэтъ.
Судьбой дана поэту лира.
Другому—опытъ долгихъ лѣтъ.

И, увлеченный сѣдинами,
Мудрецъ смиренно изрекалъ:
Не созданъ міръ великій нами,
Но я въ немъ истину искалъ!

Я въ книгу тайную природы
Свой погружалъ пылливый умъ.
Бѣжали дни, тянулись годы
Въ плѣну величественныхъ думъ.

Весенней бабочки строенье,
Волны рокошущей приливъ —
Рождали новое сомнѣнье,
Исканьемъ душу обрыливъ!

И понялъ я, что тайна міра,
Во всемъ сокрытая — одна,
Она въ безграничности эфира
И въ малой капелькѣ видна:

Къ землѣ ли взоръ спустишь тайнной,
Измѣришь мысленно ли высь, —
Однимъ указать путь вселенной,
Однимъ законъ: живи! трудись!

— О, пѣть! — восторженный и праздный
Ему отвѣтствовалъ поэтъ:
Не сможетъ трудъ твой безобразный
Плѣнить прекрасный этотъ свѣтъ!

Послушай мѣрные нагѣвы
Въ прибрежномъ шумѣ тростника,
Взгляни въ глаза прекрасной дѣвы,
На краску крыльевъ мотылька!

Послушай море въ часъ прибое,
Какъ лепечутъ пѣнныя струи!
Внимай, какъ небо голубее
Безумно славятъ соловьи!

И кто сильнѣе и чудеснѣй
Пѣвца предъ смолкнулою толпой?!
Весь міръ живетъ одною пѣсней!
Живи, поэтъ! Живи и пой!

— Поэтъ! не нами мiръ устроенъ!..
— Старикъ! Но тайна, тайна въ чемъ?..
... Но въ этотъ мигъ пришедшій воинъ
Отсѣкъ имъ головы мечомъ!..

ЕСТЬ ИМЕНА...

Есть имена!.. В них слышен приговор.
Из тьмы веков сверкающей вселенной!
Не может Время—этот алчный ворь—
Украсть венец их пышный и четкий!

Они владычествуют властью неизменной:
И дальний след их блещет до сих пор!..
Мы чтим теперь и бережно, и свято
Тех, чья тьма ислаби под плитой,

За то, что насъ плѣнительной мечтой
Они на бой могли увлечь когда-то! —
И дальній звонъ гремѣвшаго будата
Еще дрожатъ—великій и простой!

Есть имена!.. Въ нихъ чудятся знамена,
И чья-то дерзостно подъятая рука:
Она протянута черезъ дали, черезъ вѣка!
На ней горитъ кольцо Наполеона!

Нарять орлы нѣмого легіона
И дымный столбъ уходитъ въ облака...
О, пусть онъ былъ безуміемъ для міра,
Стремя полетъ своихъ орлиныхъ стай,

Пусть, не отцомъ дана ему порфира,
Пускай онъ самъ облекся въ горностаи,—
На немъ была мечать иной тревоги!
Отмѣченъ ей бываетъ лишь герой,

А не актеръ въ раскрашенномъ чертогѣ,
Толпу плѣняющей искусною игрой!..
Но пробить часъ! Другими именами
Взволнованъ міръ на краткій мигъ въ вѣкахъ:

Калифъ на часъ, съ оружіемъ въ рукахъ
Брядая шпорами, проходить передъ нами!
Но не герой, не гений, а кунецъ,
Который счелъ вселенную за рынокъ!

Задорный швабъ готовъ на поединокъ,
Но не кунцамъ міръ отдаетъ вѣнецъ!..
И онъ не ослѣпнѣть потомковъ блескомъ каски,
Когда за ней — расчета мелкій духъ!

Миръ ждетъ легендъ, величiя и сказки,
А опъ съ мечемъ соединилъ «гроссбухъ!»
... Пройдутъ года! На мраморѣ колонны
Напишетъ Рокъ свой краткiй приговоръ:

— Здѣсь пала, вѣрные отечеству тевтоны,
Исторыхъ вель зарвавшiйся актеръ!

БЛАГОДАРНОСТЬ.

(Сказочка для дѣтей... Болгарія).

Въ тридевятомъ государствѣ,
Да въ одномъ великомъ царствѣ,
Гдѣ есеней сверкаетъ ширь—
Жилъ-былъ нѣкій богатырь.

Не имѣлъ онъ силой равныхъ
Среди витязей преславныхъ:
Гдѣ подниметь острый мечъ—
Тамъ косями безумцу лечь!

А вокругъ соебди дрались,
Одного-другой старались
Истощить, да извести,
Да съ лица земли сметя!

Слабыхъ витязь не обидить,
Никого не павидить,
А увидить—слабыхъ бьютъ,
Онъ сейчасъ же тутъ, какъ тутъ!

Былъ у витязя братишка,
Ничего себѣ мальчишка,
Только мечъ едва носилъ:
Не имѣлъ онъ, значить, силъ!..

Разъ на этого, на братца
Стали тучи собираться,
Заволокъ глаза туманъ—
Сколько было басурманъ!

Перетрусилъ братецъ малый
Ходить бѣдный, словно шалый,
Просить помощи потомъ
Онъ у братца дискантомъ...

Богатырь, склонясь «аифасомъ»,
— Ладно, буду!—молвилъ басомъ,
Сѣлъ на рѣзваго коня—
Доскакалъ къ нему въ три дня!

А за нимъ его дружины
Черезъ горы и равнины,
Черезъ поля и чрезъ лѣса—
Ночь чужія небеса!

Сталъ лицомъ онъ къ вражьей рати:
— Вы съ какой же это стати
Противъ братца моего?!.
Тѣ молчать,—и ничего!.

И какъ всыплетъ имъ подарка —
Даже пепу стало жарко,
Видь, что силы, день и ночь
И прогнать невѣрныхъ прочь!

Много-ль, мало-ль — дѣтъ минуло,
Снова бурей потянуло —
И на витязя мечи,
Слышно, точать усачи!

А брадинка въ это время
Сбросилъ съ плечъ лихое бремя,
Сталъ не слишкомъ ужъ того,
Ну, а все же ничего!

Бьется витязь со врагами,
Такъ, что скользко подъ ногами..
Глянулъ витязь на востокъ,
Видить: братецъ смотреть въ бокъ!!.

— «Такъ и такъ, моль», — шепчетъ — «ви-
тиазь»,

«Вы ужъ сами тамъ деритесь,
«Ну, а я не знаю самъ
«Къ вамъ мнѣ что-ли, адь къ усамъ»!.

Не бываетъ нынче чуда!
Эта притявка покуда:
Ну, братишка, погоди!
— Сказка будетъ впереди!

ГЕРМАНИИ.

Съезды лажъ асфальтовой культуры
Прорвался дремлющій дикарь.
Что фракъ взамѣнъ звѣриной шкуры?
Въ нёмъ—звѣрь пестовый, какъ встарь!

Кричать ошь долги міру—Геній!
«Германскій геній—дажь въковъ»!—
Неслись изъ всѣхъ сооруженій
Псалмы пронзительныхъ гудковъ:

Не я-ль огнёмъ своихъ заводовъ
Копчу и плавлю небеса?
Не мнѣ-ль восторженныхъ народовъ,
Поютъ о славѣ голоса?

Глядите! Тонкой паутиной
Повисли цѣпкіе мосты!..
Во мнѣ, во мнѣ залогъ единый
Все побѣждающей мечты!

Летать мои аэропланы
И гордо рѣзать «Цепелины!».
Что предъ тобой другія страны,
Вселенной правящій Берлинъ?!

И всё, что волей человѣка
Создать досель суждено,—
Во мнѣ отъ вѣка и до вѣка,
Самой судьбой заключено!

Прощѣвъ предъ цѣлою вселенной,
Гевтонъ блестящій вынулъ мечъ,
Чтобъ объявить Европу плѣнной
И рабству «Генію» обречь!..

Вперёдъ! на женщинъ безоружныхъ!
На города, гдѣ нѣтъ солдатъ!
Напоръ полковъ лихихъ и дружныхъ
Не будетъ женщинами смятъ!

Вперёдъ! Вперёдъ! Пусть плачутъ бабы,
Больные хнычутъ старики!
— Стрѣлять! воинственные швабы!
— Рубить! блестящіе полки!

Сквозь лакъ асфальтовой культуры
Провался дремлющій дискань!
Что фракъ взаменъ звѣриной шкуры?
— Въ нёмъ звѣрь бѣснуется, какъ встарь!..

У МОГИЛЫ ГЁТЕ.

Вставай, старикъ! Орлиный профль
Истлѣлъ порядочно въ землѣ...
Нѣтъ мысли прежней на челѣ!
И только я, твой Мефистофель,

Тобою созданный, живу—
И грѣзы вижу наяву!
Возстань изъ мрака гробового,
Печать молчанія сорви—

И своему народу снова
Скажи величья и любви,
Огнемъ исполненное слово!
Гляди! Сожмнулся прежній кругъ

Твоей мечты—угрюмъ и тѣсенъ!
Что слышишь ты теперь вокругъ
Взамѣтъ невинной Гретхенъ пѣсенъ?
Ты видишь? Зданье на мскѣ—

Былой поэзіи оплоты!
Гдѣ Вертеръ, плачущій въ тоскѣ
У ногъ возлюбленной Шарлотты?
Ты говорилъ, что онъ талантъ!

Что Вертеръ... Вертеръ—это эра!
Гляди же!—Наглый лейтенантъ
Съ лицомъ живого вождера!..
А докторъ Фаустъ? Думалъ ты,

Что вновь надъ грудой фоліантовъ
Онъ погруженъ въ свои мечты!..
Старикъ!.. И Гегелей, и Кантовъ
Навѣки выцвѣли черты!..

Учелъ твой Фаустъ суть момента—
И тайны міра, старый кротъ,
Съ клеймомъ торговаго патента
Пускаетъ ловко въ сборотъ!

Толпа разнузданная черни
Не узнаетъ теби, старикъ!
О, подави проклятья крикъ!
Не розъ вѣнокъ, вѣнокъ изъ терній

Кладетъ Судьба на свѣтлый ликъ!
Гдѣ храмъ науки и искусства?
Ты смотришь, смотришь со стыдомъ:
Надъ всѣмъ царитъ Торговый Домъ

Съ продажей знанія и чувства,
Гдѣ пьяный бюргеръ топчетъ въ грязь
Твой Олимпійскій свѣтлый профиль!..
.

И, дребню мелкою смѣясь,
Оставилъ Гёте Мефистофель!..

О ДИПЛОМАТАХЪ.

Дипломатъ—это тайна во фракѣ.
Дипломатъ есть ходячій секретъ...
Все вокругъ дипломата во мракѣ
И лишь въ немъ заключается свѣтъ!

Всѣ движенья разсчитанно-строги:
— Изъ деталей слагается суть!
Онъ прямой не выносить дороги,
Признавая лишь косвенный путь.

И изъ усть дипломата, конечно,
Не услышитъ никто никогда,
Чтобы онъ, улыбаясь безмяечно,
Произнесъ просто: нѣтъ или да!

Дипломатъ это— та же кокетка:
Среди ряда любезнѣйшихъ фразъ
Проскользнетъ удивительно мѣтко
Прямо брошенный въ сердце отказъ!

И напротивъ: суровая мина
И холодныхъ улыбокъ туманъ—
Часто страсти тайной причина
И намекъ на возможный романъ!

Дипломатъ—это вѣчная поза
И ажурной отдышки игра:
Холоднѣе сегодня мороза—
Онъ былъ трюмковъ жарче вчера!..

Дипломатъ это—нѣчто такое,
Что сбнять невозможно умомъ:
Если дремлетъ онъ въ тихомъ покоѣ—
Значить, будетъ немедленно громъ!..

..Ахъ! отъ фразъ его будетъ намъ прокъ-ли:
Его предскажетъ событий скачки?
— Дипломаты глядятъ, черезъ монокли,
Но умѣло втираютъ очки!..

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО.

Одинъ изъ «фоновъ» безконечныхъ
Раскрыть огромный фоліантъ:
Найти пытаются пердантъ
Вопросовъ суть для міра вѣчныхъ

Международные статуты
Владеть на истинны вѣсы!
— Труда блаженныя минуты!
— Труда счастливыя часы!..

Опредѣляетъ кропотливо,
Когда имѣеть право вратъ
Закрывать проходы у прелива,—
Когда безправенъ этотъ шагъ!..

И устанавливая прочно
Святые правила границь,
Заставить онъ студентовъ точно
Немало вызубрить страницъ!

Ахъ, онъ ступаетъ осторожно:
Вѣдь право—скользкая стезя!
— Вотъ это,—рекъ профессоръ,—можно!
А это,—скажетъ онъ,—нельзя!

Потомъ, скрѣпивъ авторитетомъ
Ученыхъ всей своей страны,
Укажетъ, что—нейтралитетомъ
Считать неизбежно должны!

Затѣмъ посылать и дипломатамъ
Стряпню изящно подадутъ:
Разобрать будетъ каждый атомъ
И утвержденъ любой статутъ!..

Воскликнетъ каждый, восхищенный,
Жуя, ученый бутербродъ:
— Что, господа, за просвѣщенный,
Что за гуманистичнѣйшій народъ!..

Потомъ... взвинтивъ свои усищи,
Придетъ воинственная рать:
— На всѣ статуты—сапожище!
А на параграфы—плевать!..

И гаркнутъ вахмистры имъ «браво»,
Грабежъ привѣтствуя дневною...
Профессоръ! Тось за «наше право»,
Патріотически—шивной!..

КАКЪ ПИШЕТСЯ ИСТОРИЯ..

Фонъ-дёръ-оберъ-лейтенантъ,
Весь покрытый лакомъ,
Быль извѣстенъ, какъ талантъ,
Прусскимъ з. бискамъ.

Изопрело тонкій вкусъ
Пѣшистое пиво.
Быль закрученъ рыжій усъ,
Вѣряте-ль? На диво!..

Гордо выпячена грудь.
На глазу—стекляшка.
И со звономъ въ дальній путь
Волочится машка.

Вѣтромъ вздутый аксельбантъ
Подмираетъ челюсть.
— Фонъ-дёръ-оберъ-лейтенантъ.
Что-же вы за прелесть!

Властно поднятъ онъ переты:
Приступомъ на Калитъ!
Ахъ, какъ остро, слава, ты
Наше сердце жалишь!..

— Фонь-дерь-оберь-лейтенанть!
Городъ безоружень!
— Паилевать! За фатерландъ!
Намъ трофей лишь нуженъ!

Въ осадительной красѣ
Стачутъ эскадроны,
И парашаютея все
Галки и воропы...

На углу—команда: пафъ!
— Зазывались бабы...
На грудныхъ малютокъ штрафъ
Наложили швабы.

Чтобы дать примѣръ полку
Цѣлыхъ девять реберь
Вышибъ лично старику
Храбрый фонь-дерь-оберь!..

Выбравъ нѣсколько мужчанъ,
Возрастомъ постарше,
Разстрѣляли безъ причинъ
И играли марши!..

— Крѣпость пала и взята
Нами послѣ боя!
И выводить тра-та-та
Мѣдные тобом!..

Ускакавъ лихой десантъ.
Ходить тихо сторожь.
Фонь-дерь-оберь-лейтенантъ —
Генераль-майоръ ужъ!..

ОГЛАВЛЕНИЕ.

I. ПѢСНИ ВОЙНЫ.

Талисманъ	7
Туда!	9
Они идутъ!	11
Одинъ изъ многихъ.	13
Всѣ!	16
Въ эти дни.	19
Три цвѣта.	22
Шлюнъ.	25
Сѣрая шинель.	27
Первая побѣда.	29
Загадка бытія.	31
Бредъ	34
Одна изъ многихъ.	37
Такъ надо!..	39
Случай	41
Путь къ побѣдѣ.	47
Нашъ плѣнникъ.	49
Сказки	51
Игра	54
О вѣрной любви.	57
Къ Польшѣ	60
Notre-Dame	62
Франція	65
Петроградъ	67

II. JEAN QUI RIT.

Кто правъ!	72
Есть имена	76
Благодарность	79
Германія	82
У могилы Геге	85
О дипломатахъ	88
Международное право	90
Какъ пишется исторія	92

33051

✓ 58
14357

433 ✓

Цѣна 40 к.

5-70

